

НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА КАК НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС*

Михалев Алексей Викторович,

Бурятский государственный университет,
директор Центра изучения политических трансформаций,
доктор политических наук,
Улан-Удэ, Россия,
ORCID: 0000-0001-7069-2338,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Для цитирования: Михалев А. В. Новая Большая игра как неокOLONиальный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10301

Аннотация

Статья посвящена дискурс-анализу Новой Большой игры. Это явление анализируется как неокOLONиальный дискурс, сформированный западными экспертами для объяснения экспансии в регионе. В данном исследовании Новая Большая игра рассматривается как корпус политических текстов о центральной Азии и Кавказе. В качестве методологической основы для исследования была выбрана постколониальная теория с опорой на работы Х. Бхабха, Э. Саида. Данная теория использована во взаимосвязи с антиимпериалистическими концепциями Э. Лакло, Ш. Муфф, Н. Хомского. Автор этой статьи предпринимает попытку ответить на вопрос: является ли Новая Большая игра метафорой, заимствованной из эпохи колониализма, или особой системой знания о политике? Не менее важным является вопрос о том, насколько валидно представление о мире, формируемое в текстах анализируемого нами дискурса. В ходе исследования, проведенного на основе дискурс-анализа, сделан вывод о том, что Новая Большая игра представляет собой модель объяснения политических процессов в постсоветской Центральной Азии. Для анализа были выбраны три узловые точки анализируемого дискурса: дихотомия «демократии vs автократии», ресурсная объективация и идея территориального контроля. Новая Большая игра как политическая онтология заимствовала основные идеи из классической геополитики XIX века, поэтому в рамках данного дискурса большое значение имеет география и представления о политическом пространстве, которые формируются заново. Категории «Большая Центральная Азия», «Центральная Евразия» стали широко употребляться вместо привычных географических терминов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

советской эпохи. По нашему мнению, все это, наряду с проблемой дискурсивной легитимности политических режимов в этом регионе, является ключевым антагонизмом, определяющим условия и характер борьбы за гегемонию в Азии. Подобные оппозиции формируют проекцию колонизатор-колонизуемый в условиях нового империализма 2000-х годов. Основными атрибутами дискурса Новой Большой игры, в силу исторических условий формирования этого термина, являются империализм и колониализм.

Ключевые слова:

Новая Большая игра, дискурс, колониализм, империализм, власть, гегемония, постколониальный анализ.

UDC 325.3

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10301

NEW GREAT GAME AS A NEOCOLONIAL DISCOURSE

Mikhalev Alexey Viktorovich,

Buryat State University,
Director in Centre of Political Transformation Studies,
Doctor of Political Sciences,
Ulan-Ude, Russia,
ORCID: 0000-0001-7069-2338,
E-mail: mihalew80@mail.ru

To cite this article: Mikhalev, A.V. (2019). Novaya Bol'shaya igra kak neokolonial'nyj diskurs [New Great Game as a Neocolonial Discourse]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10301

Abstract

The article is devoted to a discourse analysis of a New Great game. This concept is analyzed as a neocolonial discourse, formed by Western experts for explanation of the expansion in the region. The New Great game is considered in this research as a summary of political texts on Central Asia and the Caucasus. The postcolonial theory based on the works of H. K. Bhabha and E. W. Said has been chosen as its methodological background. This theory has been used in the interrelation to anti-imperialist conceptions of E. Laclau, S. Mouffe. The author of this article tries to answer the question: Is the New Great game a metaphor borrowed from the colonial era or a specific system of knowledge on politics? No less important is the issue of the degree of validness of the world representation formed in the texts of the discourse we are analyzing. During the research carried out on the basis of the discourse analysis, the conclusion has been drawn that the New Great game is a model explaining the political processes in the post-Soviet Central Asia.

Three key points of the analyzed discourse have been selected for the analysis: a dichotomy “democracy vs autocracy”, a resourceful objectiveness and an idea of territorial control. The New Great game as a political ontology borrowed the basic ideas from the classical geopolitics of the 19th century, therefore within this discourse geography is of great importance as well as the representations of political space which are formed anew. The categories “Greater Central Asia”, “Central Eurasia” have begun widely used instead of the common geographical terms of the Soviet era. In our opinion, all of this, along with the problem of the discoursing legitimacy of political regimes in this region is a key antagonism determining conditions and nature of the struggle for hegemony in Asia. Such oppositions form a projection colonist-colonized under the conditions of new imperialism in the 2000s. The main attributes of the discourse of the New Great game, due to the historical conditions of this term’s formation, are imperialism and colonialism.

Keywords:

New Great Game, discourse, colonialism, imperialism, power, hegemony, postcolonial analysis.

Представленная статья посвящена дискурс-анализу Новой Большой игры (New Great Game) как неокOLONиальной теории, при помощи которой описываются политические процессы на территории современной Центральной Евразии. Термин Новая Большая игра рассматривается в политической науке в двух ракурсах: как метафора и как аналитический концепт. Однако оба случая объединяет одно: Новая Большая игра популяризируется и становится категорией, используемой в процессе принятия политических решений. Это свидетельствует о том, что она стала четко оформившимся политическим дискурсом со своей внутренней логикой и системой аргументации.

Впервые о Новой Большой игре в научной литературе начали писать с первой половины 2000-х годов (Рашид, 2003). Начиная с 2000-х годов, о современной Большой игре было снято несколько документальных и научно-популярных фильмов, опубликованы десятки статей в СМИ и в научных изданиях. В рефлексии в рамках данной системы интерпретации политики вовлечено большое количество интеллектуалов из Великобритании, США, России, а также из региона, на территории которого этот феномен локализуется. Популярность данного дискурса обусловлена его относительной логической простотой.

Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что дискурс Новой Большой игры *de facto* ведет к реабилитации колониального нарратива, а вместе с ним и империализма. Как антипод постколониальных исследований концепция Новой Большой игры вполне определенно ставит во главу угла проблему контроля над экспортом и импортом природных ресурсов. В итоге на уровне публичных риторик анализ политики сводится к гиперболизации значения доступа к тем или иным природным ресурсам. Другой аспект связан с эпистемологическими границами: следуя логике XIX века, теоретики современной Большой игры совершенно игнорируют постколониальный дискурс. Характеризуя данную ситуацию, Мэтью Эдвардс высказывал опасение о том, что масштабная экспансия этого термина несет угрозу адекватному пониманию

современной ситуации в Центральной Азии, потому что он содержит в себе определенную «интеллектуальную ловушку» (Edwards, 2003), предоставляя наиболее легкий путь для интерпретации. Эдвардс отмечает: «И к концепции Новой Большой игры, и к дисциплине геополитики нужно относиться интеллектуально и академически строго, поскольку реальность такова, что на протяжении большей части последнего десятилетия это не делалось эффективно» (Edwards, 2003, p. 97).

Изучению Новой Большой игры посвящены работы М. Ахрари (Ahrari, 2002), В. де Китспоттера (Китспоттер, 2005), Л. Кливмана (Kleveman, 2003), А. Кулей (Cooley, 2012), М. Ларюэль (Laruelle, 2013), Р. Менона (Menon, 2003), А. Рашида (Рашид, 2003), Н. Сванстрёма (Swanstrom, 2005), М. Эдвардса (Edwards, 2003), Чжен-кун Фу (Fu, 2010). Работы этих авторов представляют собой совокупность радикально отличающихся друг от друга взглядов. Некоторые из них, например, М. Эдвардс, предпринимают попытку критически взглянуть на изучаемый ими феномен (Edwards, 2003), рассматривая его как определенный дискурсивный порядок. Под термином «Новая Большая игра» он понимает совокупность суждений о том, каким образом может быть интерпретирована политика на современном Востоке. Э. Уолберг в своей работе «Постмодернистский империализм: геополитика и Большая игра» считает Большую игру удобной метафорой для описания новых геополитических реалий, образовавшихся после распада Советского Союза (Walberg, 2001).

Другие исследователи, такие как П. Бробст, В. де Китспоттер, Н. Свантстрём, видят в Новой Большой игре научный инструментарий вполне релевантный происходящему в изучаемом регионе. Рассматривая истоки формирования современной политической ситуации на Востоке, П. Бробст описывает взгляды британского губернатора Северо-Западной приграничной провинции Олафа Кэро. Бробст проводит рецепцию геостратегических взглядов О. Кэро на современную ситуацию (Brobst, 2005). В работах данных исследователей «реанимируется» классическая геополитика в близком к теории реализма формате. Например, Н. Свантстрём, со ссылкой на китайских аналитиков, оперирует термином жизненное пространство (Lebensraum) (Swanstrom, 2005). В его понимании Новая Большая игра – это борьба государств, транснациональных корпораций и преступных синдикатов за доступ к природным ресурсам и к каналам их транспортировки. В то же время странам Центральной Азии в этих процессах отводится второстепенное (подчиненное) значение. При этом азиатские авторы М. Ахрари, А. Рашид, Чен-кун Фу занимают гораздо более жесткую экспансионистскую позицию, сводя Новую Большую игру к геополитике ресурсов и борьбе мировых держав за доминирование в регионе.

Несмотря на популярность данного концепта в российских СМИ, количество научных исследований на данную тему в нашей стране невелико. В большинстве отечественных текстов отношение к этой модели строится на уровне метафоры. И чаще всего термин остается лишь в названии текста и дальнейшего развития не получает. Едва ли не единственной попыткой анализа данного дискурса является книга А. А. Казанцева, который также отсылает нас к метафоре, апеллируя к серьезным отличиям современной ситуации от «Большой игры» XIX века (Казанцев, 2008, с. 101–102). «Новая Большая игра» успешно натурализировалась в аналитических изданиях, обслуживающих бизнес и государство,

а не критичное отношение к данному термину привело к его популяризации в СМИ.

Учитывая масштаб анализируемой проблемы и ее роль в публичном пространстве, мы опираемся на следующий *комплекс источников*, используемых для дискурс-анализа:

- 1) материалы российских и зарубежных СМИ, специализирующихся на внешнеполитической проблематике;
- 2) опубликованные аналитические материалы государственных органов, опирающиеся на концепцию Новой Большой игры;
- 3) академические исследования, теоретизирующие или использующие Новую Большую игру как метафору.

Методология исследования

Эпоха постколониальных исследований сформировала набор теоретического инструментария, посредством которого становится возможным понимать и анализировать современные колониальные и империалистические дискурсы. При этом критика постколониальной теории в рассматриваемом нами случае остается вне нашего внимания. Дело в том, что Большая игра и ее современная производная являются продуктом эпохи колониализма и однозначно требуют внимания именно в русле постколониальной методологии. Эпоха Р. Кипплинга и А. Конолли сформировала ядро знаковой системы, посредством которой сегодня формируется представление о Новой Большой игре. Написанные в XIX веке тексты стали вновь востребованы в XXI веке. Империализм и экзотизация являются характерными чертами Большой игры XIX века, унаследованными ее новой редакцией.

Говоря об изучаемом нами регионе, мы разделяем мнение Л. Адамс о допустимости применения постколониальной теории к ее современным политическим реалиям (Adams, 2008). В центре внимания постколониальных исследований почти всегда находится человек (колонизируемый или колонизатор). Пристальное внимание уделяется проблемам доминирования, дискриминации, расы и пола. В дискурсе неоимпериализма в качестве подчинённых выступают уже целые государства, которым приписываются различные черты, на основе которых формируется определенная иерархия, поэтому интерес представляет проблема права того или иного субъекта международных отношений говорить и быть услышанным (например, в праве говорить и быть услышанными отказывают азиатским автократиям). В рассматриваемой нами ситуации неокониализма большая часть центральноазиатских авторов оперирует языком Новой Большой игры, поддерживая и укрепляя эту форму знания о неевропейском мире, поэтому важной операциональной категорией для нас является гегемония, которую мы понимаем как переартикуляцию дискурсивных антагонизмов и формирование определенной унификации (Laclau, Mouffe, 1985). В результате этого достигается согласие колонизируемого субъекта с навязанным ему колонизатором дискурсивным порядком.

В такой ситуации индивид отходит на второй план, уступая место государству или ТНК. Это закрепляет неравенство мировых и региональных политических акторов, описываемое языком империализма, дискурса борьбы

и политического доминирования. Исходя из этого, Новая Большая игра рассматривается нами как способ формирования представлений о политическом в постсоветской Центральной Азии от Афганистана до Монголии.

Сегодня Новая Большая игра – это набор различных текстов, описывающих политику вне Запада языком империализма. Данные тексты воспроизводятся в достаточно благоприятном для них контексте «вакуума власти», вооруженных конфликтов и взаимных претензий на территории т. н. «Большой Центральной Азии» (см. Edwards, 2003, p. 87). Последняя категория представляет интерес как пример изобретения границ и пределов гегемонии, позволяя раздвигать границы до необходимых пределов. По мере разрастания политического противостояния и появления новых очагов напряженности «Большая Центральная Азия» уступила место «Центральной Евразии». Многообразие же содержания написанного о Новой Большой игре, позволяет говорить о ней как о некоей многомерной реальности, существующей в границах текстов о ней. Подобное положение вещей наиболее полно охарактеризовал Б. Ашкрофт: «Иными словами, текст – нечто большее, чем просто знаки на странице, он реализуется через участие социальных субъектов, обозначаемых как писатели и читатели, которые конституируют письмо как определенный тип коммуникации, как «говорение» определенных вещей» (Ашкрофт, 2005, с. 73). В определенном смысле язык колонизатора колонизирует сознание колониального субъекта. Возникает вопрос: кто выступает в качестве колонизатора? При этом здесь же нужно отметить, что категориальный аппарат данного дискурса до конца не сформирован. Словарь Новой Большой игры по сей день дополняется как за счет терминов имперской геополитики, так и за счет некоторых сугубо локальных категорий.

Дискурс Новой Большой игры формирует представление о пространстве и его назначении. С одной стороны, существует богатый ресурсами азиатский регион, а с другой – мировые державы, нуждающиеся в данных ресурсах. Особенность такой политической географии XXI века заключается в том, что в набор мировых держав включаются Китай и Индия, что было невозможно в XIX веке. Но и в этой ситуации напрашиваются ассоциации с ориентализмом в понимании Э.В. Саида. В пространстве Новой Большой игры Азия – это далеко уже не карта и словарь, а набор полезных ископаемых, охраняемых местными автократиями. Автократичность власти в системе миропонимания Новой Большой игры выступает как основа культурных различий между современным Востоком и Западом.

Все это определило целесообразность выбора исследовательского инструментария – дискурс-анализа (модель Э. Лакло и Ш. Муфф) (Laclau, Mouffe, 1985). В этом контексте Новая Большая игра выступает как определенная форма интерпретации и понимания политических процессов, протекающих в Центральной Азии и на Кавказе, и по мере успешной их интерпретации генерализирующаяся на Ближний Восток и даже на Северо-Восточную Азию. De facto Новая Большая игра – это система значений, наиболее приемлемо описывающих борьбу мировых держав за гегемонию вне западного мира. Большая игра XIX века безапелляционно рассматривается как историческая объективность в отличие от Новой Большой игры, которая стремится к тому, чтобы стать, в терминологии Э. Лакло и Ш. Муфф, объективным дискурсом. Под данным термином понимается настолько прочно утвердившийся способ понимания

мира, что он становится безусловным. Примером объективного дискурса в нашем случае выступает «старая» Большая игра, в то время как дискурс Новой Большой игры все еще формируется и занимает все более прочные позиции в сфере политической экспертизы и журналистики. В данной работе мы попытаемся определить артикуляции в дискурсе Новой Большой игры, т. е. то, каким образом устанавливаются действия среди элементов дискурса так, что идентичность знаков меняется (Laclau, Mouffe, 1985). Мы выделяем три, на наш взгляд, важные узловые точки дискурса Новой Большой игры: дихотомия «демократия vs автократия», ресурсная объективация, идея территориального контроля.

Демократия vs автократия

Противопоставление демократии и автократии в дискурсе Новой Большой игры представляет собой основную дихотомию колонизатора – колонизируемого субъекта, Запада – Востока. При этом речь зачастую идет о вполне определенной культуртрегерской позиции колонизатора. Колонизатор выступает в качестве транслятора демократических ценностей, а так же как основной эксперт, оценивающий степень демократичности того или иного общества. Подобное понимание мира для колонизатора зачастую является безусловным.

Разделение на демократии и автократии в условиях Новой Большой игры открывает возможности для применения в будущем легитимного насилия в форме гуманитарной интервенции (о данной категории см. Chomsky, 1993–1994). В данной ситуации отсутствие демократии и нарушения прав человека акцентируются и экзотизируются, по нашему мнению, для делегитимизации политических режимов в Центральной Азии и на Кавказе. При этом демократия рассматривается как единственная модель, в рамках которой возможна легитимная власть. Подобный критерий зачастую вступает в противоречие с политическими традициями региона, но все же номинируется как необходимый «общий знаменатель» для всего многообразия политических режимов в пространстве Новой Большой игры.

Язык описания политического в условиях Новой Большой игры является существенно упрощенным, особенно в вопросах, касающихся правящих режимов в странах Центральной Азии. Противопоставление восточной деспотии и западной демократии, выведенное из природно-исторических условий, является отличительной чертой нового колониализма. Особенно ярко данная дихотомия показана в книге Л. Кливмана, который особое внимание уделяет сталинским репрессиям и сибирскому холоду, таким образом ориентализируя постсоветское пространство. В книге очень подробно описан политический режим Туркменистана, а также культ личности Туркменбаши (Kleveman, 2003).

Схожую точку зрения высказывает Винсан де Китспоттер: «Тем не менее, одной из главных характеристик нынешних центральноазиатских режимов являются сильные традиции авторитаризма, коррумпированности элит, а также неуважения к закону и правам человека. Более того, центральноазиатские государства, за исключением Казахстана, являются одними из беднейших государств мира, а значит, представляют собой плодородную почву для развития радикальных мусульманских движений» (Китспоттер, 2005, с. 88).

М. Ахрари, характеризуя государства Центральной Азии, пишет: «Культурно и исторически, эти страны представляют племенные и кочевые сообщества, которые не имели возможности для свободного существования. Царский режим включил их в свою империю, и когда имперское правление пришло к кровавому концу, пришедшие им на смену коммунистические «цари» оказались столь же решительными и не менее безжалостными в поддержании системы колониального господства и подчинения в этих странах» (Ahrari, 2002, с. 23). Подобная аргументация наиболее полно характеризует стиль описания политического пространства Центральной Азии и Кавказа, а также объясняет специфику политических режимов стран – участников Новой Большой игры. Отсюда возникает империалистская идея смены одной метрополии на другую, при этом сами прежние колонии не рассматриваются как полноправные субъекты новых отношений.

Важным сюжетом в текстах о Новой Большой игре является противопоставление ШОС и НАТО. Такая дихотомия представляет собой рецепцию колониальной модели Восток – Запад, а также схемы «деспотия vs демократия». Так, С. Бланк отмечает: «В то же время вторая четкая цель ШОС заключается в создании коллективной, практически единодушной позиции ее членов о том, что Вашингтон не должен вмешиваться в их внутренние договоренности. Иными словами, она (ШОС – *A.M.*) функционирует, в частности, как организация взаимной защиты и предоставления международной легитимности ее членам, которым ее не хватает и которые ее так жаждут. Все члены поддерживают сохранение status quo и объединились, чтобы отвергнуть призывы внешних заинтересованных сторон, таких как Вашингтон, выступающих от лица демократических норм» (Blank, 2012, p. 151).

Дискурсивная борьба за демократию, связанная с политикой номинации политических режимов в регионе Новой Большой игры, связана в том числе с борьбой за доступ к ресурсам. Называя те или иные политические режимы автократиями, диктатурами, а также говоря о коррупции и трайбализме, новые империалисты имплицитно предполагают, что подобные эпитеты лишают государства права легитимно распоряжаться ресурсами своей страны. Модель данной аргументации сводится к следующему упрощению: автократии распоряжаются ресурсами не в интересах населения, соответственно их право на эти ресурсы нелегитимно. Однако в случае присутствия иностранных корпораций в стране и умеренного дистанцирования от участия в ШОС подобная позиция радикально меняется, несмотря на коррупцию и трайбализм. Именно поэтому некоторые из стран данного региона не вполне объективно оказываются «оазисами демократии» (например, Монголия), другие же просто именуются коррумпированными режимами или диктатурами (Fish, 2001).

Отличие дискурса современной Большой игры (от XIX века) в том, что декларируется равноправное участие в данном процессе (как субъектов) разнообразных политических акторов (местных автократий, ТНК, радикальных группировок) (Kleveman, 2003). Именно поэтому весьма колониальная по своему характеру система понимания политических процессов в регионе находит себе поддержку в среде политологов и журналистов в странах Центральной Азии и Кавказа.

Терминологический словарь Новой Большой игры формирует прежде всего политические различия, культурные же различия, на которые обращала внимание классическая постколониальная теория, остаются на втором плане. Это связано и с отличием текстов времен Новой Большой игры от текстов классического колониализма эпохи Р. Киплинга. Формирование политического «Другого», отличного от европейского или американского стандарта, предполагает его нелегитимность как раз в силу своего отличия. В итоге возникает вопрос: ради чего производится подобное разграничение?

Борьба за ресурсы

Пространство Новой Большой игры – это карта нефтяных и газовых месторождений, это пространство транспортных артерий, соединяющих Европу и Азию. В основе модели описания политики лежит статистика объемов добычи и протяженности нефтепроводов и газопроводов. Подобный подход реанимировал понятие нефтеимпериализма (Oilimperialism), получившее широкое распространение как в современных СМИ, так и в академических текстах. В качестве субъектов Новой Большой игры выступают страны, которые борются за доступ к ресурсам, это наиболее крупные экономики мира, либо энергетические державы, а также транснациональные корпорации. Объектом же этой борьбы выступают собственно страны Центральной Азии, либо занимающие важное стратегическое положение в регионе, либо богатые природными ресурсами. Таким образом, наличие/отсутствие ресурсов выступает основным критерием неравенства в условиях субъект-объектной диспозиции дискурса Новой Большой игры.

Большая часть представлений о Центральной Азии и протекающих на ее территории процессах, впоследствии создавших дискурс Новой Большой игры, формировалась в 1990-е годы. В то время доступ к ресурсам этого региона, как и Кавказа, казался сравнительно легким в силу того, что часть государств региона находилась в состоянии конфликта. Безопасность в условиях этих конфликтов требовала финансовых вливаний, поэтому цены на нефть и минеральные ресурсы зачастую были демпинговыми (Kleveman, 2003), поэтому до начала XXI века большая часть текстов была посвящена проблемам суверенитетов. Однако усиление в 2000-е годы российского присутствия в регионе существенно изменило риторику западных экспертов.

Новая Большая игра как способ политического воображения все более концентрируется на проблемах формирования новой модели добычи и перераспределения природных ресурсов Азии. При этом системный мониторинг военно-политических вызовов и угроз в отношении крупнейших месторождений убедительно дополняет общую картину геополитики неоимпериализма. В частности, Раджан Менон отмечает: «В то время как новые источники энергии для стран-импортеров нефти приостанавливают углеводородную гегемонию арабских стран Персидского залива, открывая путь к процветанию для каспийских экспортеров энергоносителей, строителей трубопроводов и насосных станций, они также создают заманчивые цели для диверсантов и воинствующих государств» (Menon, 2003, p. 188). Данную схему политического воображения наиболее емко охарактеризовал Э.В. Саид: «Из подобных утверждений вырастает

часто разделяемое представление о Востоке как о географическом пространстве, которое нужно возделывать, пожинать там плоды и охранять его» (Саид, 2006, с. 338). Такое понимание международных отношений в азиатском регионе ведет к все большему упрощению в понимании событий, разворачивающихся в азиатской части постсоветского пространства. Понятные и удобные знаково-символические системы, отсылающие к прошлому, которыми пользуются экономисты, политологи и журналисты при описании событий в обозначенном регионе, становятся все менее релевантными происходящим процессам.

По мнению большинства западных авторов Новая Большая игра ведется за перераспределение различного рода ресурсов – минеральных, энергетических, инфраструктурных. Все они оказались локализованы на территории новых независимых государств Центральной Азии и Кавказа и стали привлекать внимание крупнейших экономик мира. Конкуренция за доступ к ним стала основной движущей силой Новой Большой игры (Mullerson, 2007). На протяжении длительного времени Советский Союз монополично владел этими ресурсами, диктуя цены на них и условия доступа к ним. После его распада появилась возможность для разнообразия в сфере предложений и цен на минеральные ресурсы со стороны государств данного региона. Значительная часть публикаций по данной тематике выносит в название проблему углеводородов и экспансии.

Определяя Новую Большую игру, А. Рашид пишет: «Современная Большая игра также происходит между империями, которые расширяются и сжимаются. В то время как разоренная и ослабевшая Россия пытается сохранить контроль над границами Средней Азии, которые она по-прежнему считает своими, и регулировать поток каспийской нефти по трубопроводам, идущим по российской территории, США предлагают трубопровод в обход России и таким образом совершают прорыв в этот регион» (Рашид, 2003, с. 201).

Согласно Л. Кливному: «Термин «Новая Большая игра» описывает современное соперничество великих держав за влияние на распределение энергетических ресурсов Центральной Азии и варианты пролегания трубопроводов. Большинство экспертов сводит значение этого термина к простому «энергетическому империализму», рассматривая проблему исключительно с точки зрения нефтяных запасов» (Kleveman, 2003, p. 304). Метафора времен колониализма о сокровищах Востока в XXI веке сведена к наличию углеводородов. Современная Большая игра как дискурс опирается на цифры нефтедобычи и карты нефтепроводов. Подобный «нефтеимпериализм» представляет собой одну из попыток центрирования дискурса вокруг нехватки ресурсов и (не)легитимности их распределения.

В наиболее ранних работах (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) Новая Большая игра интерпретировалась как борьба за «советское наследство». Это наследство преимущественно сводилось к запасам нефти, природного газа, а также в военно-политическом контроле над логистическими системами. При этом вне фокуса внимания оказывался огромный культурный слой советской эпохи. Дискурс Новой Большой игры весьма утилитарно и упрощенно представлял отношения между республиками в рамках СССР, некритично оперируя терминами «метрополия» и «колония» (Ahrari, 2002, p. 23).

Итак, Новая Большая игра как дискурсивная формация является проекцией ресурсного империализма. Ресурсный империализм представляет собой

важную составляющую дискурса, которая воспроизводится в большинстве текстов. Однако его нельзя считать главной доминантой дискурса, это скорее инструмент объективации региона и приписывания утилитарных смыслов отдельным политическим режимам. Все это возвращает теоретиков Новой Большой игры к временам классической геополитики, объясняющей мир через призму географического детерминизма, сочетая его с языком экспансии. В результате карта Новой Большой игры – это в большей степени пространство физической географии, в котором месторождения и трубопроводы сочетаются с военными базами стран – участниц геополитического противостояния.

Контроль территории

Дискурс Новой Большой игры формируется вокруг понимания контроля над территорией как одной из важных составляющих этой геополитической модели. Этот контроль представляет собой строительство новых транснациональных логистических систем, контролируя которые появляется возможность доминировать во всем регионе Центральной Азии и Кавказа. Такие проекты как «Новый шелковый путь» в первоначальном американском варианте были направлены на создание нового транснационального пространства (Starr, 2008). При этом новая модель маркирования территории вступала в антагонизм со старой советской моделью Средней Азии. Термины Большая Центральная Азия, Центральная Евразия были необходимы для переосмысления политической географии пространства Новой Большой игры. Каждая из категорий, появляясь в рамках анализируемого нами политического дискурса, существенно расширяет границы Новой Большой игры. Один из авторов нового дискурсивного порядка, реноминирующего постсоветскую Среднюю Азию, Фредерик Старр, пишет: «Большая часть остального мира принимала российскую терминологию, равно как и допущения, лежащие в ее основе, а именно то, что этот регион был определен с точки зрения территории в соответствии с российским контролем, а не в соответствии со своими внутренними географическими, культурными или экономическими свойствами» (Starr, 2008, p. 6). Новый дискурс был направлен на изменение представления о пространстве Новой Большой игры посредством других названий, а в результате и иного понимания границ регионов, юрисдикций и суверенитетов. В данной ситуации речь идет об артикуляции, т. е. о смене значений и попытке навязывания определенного нового единства значений.

В итоге эти значения оказываются распространены почти на весь евразийский континент. Ф. Старр отмечает: «...термин «Большая Центральная Азия» вписывается в этот лабиринт определений и коннотаций? Как и термин «Центральная Евразия», он представляет собой попытку уйти от узкого географического определения региона, предложенного для обсуждения СССР. Он принимается как действительность то, что в течение двух тысячелетий и Синьцзян, и Афганистан были составными компонентами культурной зоны, частью которой являются пять бывших советских республик. Он также допускает возможность еще более широкого определения, причем такого, которое включает, по крайней мере, провинцию Хорасан Ирана, северную часть Пакистана,

Монголию, такие российские регионы, как Татарстан, и даже часть северной Индии, простирающейся от Раджастана до Агры» (Starr, 2008, p. 6).

Основной антагонизм в данной узловой точке дискурса заключается в противопоставлении советских географических категорий современным американским. В такой ситуации право давать название региону, а вслед за этим и определять пределы вмешательства других заинтересованных этим пространством акторов, является свидетельством гегемонии субъекта, обладающего возможностью подобной номинации. Подобная возможность *de facto* открывает перспективы для легитимизации территориальной экспансии.

Смыслы территориальной экспансии в условиях современной Большой игры остаются теми же, что и в XIX веке – имперское господство и безопасность. В случае имперского господства речь идет о формировании новых крупных зон влияния, обозначение которых зачастую реанимирует понятие «жизненного пространства» (*Lebensraum*) (Swanstrom, 2005, p. 570). Несмотря на то, что после двух мировых войн данный термин достаточно сильно дискредитирован, в рамках Новой Большой игры он используется как вполне операциональный концепт. Чаще всего он востребован либо для обозначения амбиций Китая в данном регионе, либо при характеристике политики одного из государств региона, отстаивающего право на суверенитет от России. Понимание же безопасности в данной ситуации связано с политической географией региона и политикой номинации в отношении правящих режимов (см. Scott, 2008). Коррупция, свертывание централизации/децентрализация власти, несостоятельные государства (*state failure*) – все это формирует разные виды вызовов безопасности. Это угрозы суверенитету других государств, реализации крупных инфраструктурных проектов, бизнес интересам и т. п. В итоге стремление к минимизации этих вызовов формирует потребность контроля над территорией всего региона.

Дискурс Новой Большой игры является преемником классических геополитических теорий конца XIX – начала XX века (см. Scott, 2008, p. 3), поэтому значение пространств и их номинаций в рамках данной модели является ключевым. Рассматривая роль территориальной экспансии, М. Эдвардс отмечает: «Контроль над территорией, или по крайней мере гегемонии над территорией, имеет ключевое значение для целей Большой игры, ставкой в которой является имперское господство. Независимо от индивидуальных целей и колебаний успехов игроков, остается неизменным преимущество объективно-имперской безопасности и власти» (Edwards, 2003, p. 84).

Итак, дискурс Новой Большой игры принимает как объективность новые модели понимания пространства, предложенные в 1990–2000-е годы. Создание этих смыслов открывает возможности для геополитической экспансии, которая опирается на возможность колонизатора именовать и переименовывать колонизируемый субъект, вынуждая последнего принимать подобный порядок значений. Все это представляет собой особую форму экспертного знания, находящегося в антагонизме с предыдущей моделью понимания мира, в частности с советской. В сущности, эпоха Новой Большой игры положила начало «обновлению» политической географии Центральной Азии и Кавказа, вводя в оборот новые названия, символы и создавая совершенно иные по своему содержанию смыслы.

Исследования Новой Большой игры к концу 2000-х годов стали оформляться в особую форму экспертного политического знания о регионе Центральной Азии и Кавказа. Этот дискурс в процессе борьбы начинает занимать доминирующие позиции, подчиняя своей логике интерпретацию почти всей политической сферы в Центральной Азии. Объясняя современные процессы, протекающие в регионе, с позиций простых геополитических схем конца XIX – начала XX века, данный дискурс приобретает популярность в самых различных странах мира. Он все более упорядочивается, выталкивая на периферию одни тексты и выводя на уровень канона другие. В рамках Новой Большой игры появляется собственная онтология, претендующая на вполне научное описание мира со своими критериями релевантности и системности знания. Это знание структурирует достаточно сложный и неупорядоченный мир постсоветской политики. Большая игра – сравнительно старый и понятный термин, достаточно просто, если не сказать упрощенно, объясняющий происходящее в рамках этого сегмента неевропейского миропорядка. Его язык и ключевые артикуляции свидетельствуют о стремлении подчеркнуть гегемонию одних государств по отношению к другим. В ситуации этого доминирования ключевое значение имеет язык колониализма, которым описывается Новая Большая игра. В рамках этого дискурса терминология колониальной эпохи оказалась вновь востребованной и частично реабилитированной.

Новый категориальный аппарат, характерный именно для Новой Большой игры, до конца не сформирован. По сей день сложно отличить, в каком случае концепт «Большая игра» используется как метафора, а в каком имеется в виду империалистический и колониальный дискурс. На наш взгляд, Новая Большая игра является в большей степени интеллектуальной модой на империализм. Этот дискурс открывает широкие возможности для описания политики в Центральной Азии в силу того, что многие его термины давно натурализованы. В результате подобное понимание политики получает широкое распространение, а вслед за этим реабилитирует язык колониализма. Этот язык в современных условиях позволяет романтизировать описание противостояния мировых держав за право контролировать прежнюю сферу влияния СССР в Центральной Азии. При этом подмена терминов и недостаточная академическая строгость дискурса Новой Большой игры позволяют легитимизировать практически любые притязания на данный регион.

Новая Большая игра как способ мышления и метафора стала выходить за пределы Центральной Азии и Кавказа. Экспансия данного дискурса распространилась на все постсоветское пространство. Сегодня встречаются работы, посвященные Большой игре в Арктике или в Восточной Европе. В 2016 году появилась серия работ о Большой игре и конфликте на Украине. География Новой Большой игры растет, стремясь охватить почти всю мировую политику.

Список литературы

1. Ашкрофт, Б. (2005). Язык. *Abimperio*, 2, 69–100. doi: 10.1353/imp.2005.0079.

2. Бордачев, Т. (2016). Большая игра с позитивной суммой. *Россия в глобальной политике*, 14(4), 73–82.
3. Де Китспоттер, В. (2005). Большая игра в Центральной Азии. *Ядерный контроль*, 11(1), 81–102.
4. Казанцев, А.А. (2008). «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии.
5. Рашид, А. (2003). *Талибан: ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии*. М.: Русская книга.
6. Саид, Э.В. (2006). *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Миръ.
7. Саид, Э.В. (2012). *Культура и империализм*. М.: Владимир Даль.
8. Adams, L. (2008). Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? *Central Eurasia Studies Review*, 7(1), 2–8.
9. Ahrari, M. E., & Beal, J. (2002). *The New Great Game in Muslim Central Asia*. Washington DC: University Press of the Pacific.
10. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge.
11. Blank, S. (2012). Whither the new Great Game in Central Asia? *Journal of Eurasian Studies*, 3, 147–160. doi: 10.1016/j.euras.2012.03.005
12. Brobst, P. (2005). *The Future of the Great Game (Series on International, Political, and Economic History)*. Akron: University Of Akron Press.
13. Chomsky, N. (1993–1994). Humanitarian Intervention. *Boston review*, 18, 3–6.
14. Cooley, A. (2012). *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford-New-York: Oxford University Press.
15. Edwards, M. (2003). The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder. *Central Asian Survey*, 22(1), 83–103. doi: 10.1080/0263493032000108644
16. Fish, M. S. (2001). The Inner Asia Anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective. *Communist and Postcommunist studies*, 34(3), 323–338.
17. Fu, J. (2010). Reassessing a «New Great game» between India and China in Central Asia. *China and Eurasia forum quarterly*, 8(1), 17–22.
18. Kleveman, L. (2003). *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia*. New York: Atlantic Monthly Press.
19. Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
20. Laclau, E. (1990). *New Reflections on the Revolution of our Time*. London: Verso.
21. Laruelle, M. (2013). Central Asia as a Case study for a multipolar world. *Asia policy*, 16, 162–164. doi: 10.1353/asp.2013.0037
22. Menon, R. (2003). The New Great Game in Central Asia. *Survival: Global Politics and Strategy*, 45(2), 187–204. doi: 10.1080/00396338.2003.9688581
23. Mullerson, R. (2007). *Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game*. New York: Columbia University Press.
24. Scott, D. (2008). «The Great power» between India and China: «The Logic of Geography». *Geopolitics*, 13, 1–26. doi: 10.1080/14650040701783243
25. Starr, F. (2008). *In Defense of Greater Central Asia / Silk Road Paper*. Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute.

26. Swanström, N. (2005). China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? *Journal of Contemporary China*, 14(45), 569–584. doi: 10.1080/10670560500205001
27. Walberg, E. (2001). *Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games*. Atlanta: Clarity Press.

References

1. Adams, L. (2008). Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? *Central Eurasia Studies Review*, 7(1), 2–8. doi: 10.1353/imp.2005.0079
2. Ahrari, M.E., & Beal, J. (2002). *The New Great Game in Muslim Central Asia*. Washington DC: University Press of the Pacific.
3. Ashcroft, B. (2005). Jazyk [Language]. *Abimperio*, 2, 69–100.
4. Bhabha, H.K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge.
5. Blank, S. (2012). Whither the new Great Game in Central Asia? *Journal of Eurasian Studies*, 3, 147–160. doi: 10.1016/j.euras.2012.03.005
6. Bordachev, T. (2016). Bol'shaja igra s pozitivnoj summoj [The Great Win-Win Game]. *Rossija v global'noj politike*, 14(4), 73–82.
7. Brobst, P. (2005). *The Future of the Great Game (Series on International, Political, and Economic History)*. Akron: University Of Akron Press.
8. Chomsky, N. (1993–1994). Humanitarian Intervention. *Boston review*, 18, 3–6.
9. Cooley, A. (2012). *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford-New-York: Oxford University Press.
10. De Kytspotter, V. (2005). Bol'shaja igra v Central'noj Azii [Great game in Central Asia]. *Jadernyj kontrol'*, 11(1), 81–102.
11. Edwards, M. (2003). The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder. *Central Asian Survey*, 22(1), 83–103. doi: 10.1080/0263493032000108644
12. Fish, M.S. (2001). The Inner Asia Anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective. *Communist and Postcommunist studies*, 34(3), 323–338.
13. Fu, J. (2010). Reassessing a «New Great game» between India and China in Central Asia. *ChinaandEurasiaforumquarterly*, 8(1), 17–22.
14. Kazancev, A.A. (2008). «Bol'shaja igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaja politika i Central'naja Azija [Great Game with Unknown rules: world politics and Central Asia]. Moscow: Nasledie Evrazii.
15. Kleveman, L. (2003). *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia*. New York: Atlantic Monthly Press.
16. Laclau, E., Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
17. Laclau, E. (1990). *New Reflections on the Revolution of our Time*. London: Verso.
18. Laruelle, M. (2013). Central Asia as a Case study for a multipolar world. *Asia policy*, 16, 162–164. doi: 10.1353/asp.2013.0037
19. Menon, R. (2003). The New Great Game in Central Asia. *Survival: Global Politics and Strategy*, 45(2), 187–204. doi: 10.1080/00396338.2003.9688581

20. Mullerson, R. (2007). *Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game*. New York: Columbia University Press.
21. Rashid, A. (2003). *Taliban: islam, neft' i novaja Bol'shaja igra v Central'noj Azii* [Taliban: Islam. Oil and New Great Game in Central Asia]. Moscow: Russkaja kniga.
22. Said, E. W. (2006). *Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism]. St. Petersburg: Russkij Mir.
23. Said, E. W. (2012). *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Moscow: Vladimir Dal'.
24. Scott, D. (2008). «The Great power» between India and China: «The Logic of Geography». *Geopolitics*, 13, 1–26. doi: 10.1080/14650040701783243
25. Starr, F. (2008). *In Defense of Greater Central Asia / Silk Road Paper*. Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute.
26. Swanström, N. (2005). China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? *Journal of Contemporary China*, 14(45), 569–584. doi: 10.1080/10670560500205001
27. Walberg, E. (2001). *Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games*. Atlanta: Clarity Press.